



Херсон в Х в.
Реконструкція по С. Б. Сорочану¹

¹ Наведено за виданням: Херсонес Таврійський / В. М. Зубар, С. Б. Сорочан // Енциклопедія історії України. – Київ, 2014. – Т. 10. – С. 372–376.

С. Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН ВО ВРЕМЕНА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

В 2015 году мир отметил одну из великих исторических дат – 1000-летие упокоения св. равноапостольного князя Владимира. Она неразрывно связана с его бесценным наследием, оставившим много особенностей нашей духовности вплоть до настоящих дней. Прошедшие многочисленные научные конференции подчеркивают актуальность темы, которая никогда не будет исчерпана. Обращаясь к ней в нашей лектории, хотелось бы задаться нелегкой задачей, в короткий срок осветить основные моменты, связанные с положением одного из самых значительных центров раннесредневекового Крыма – византийского Херсона к эпохе князя Владимира, для которого этот город сыграл судьбоносную роль, – роль, в свою очередь, определившую и судьбу Руси. Другими словами, что представлял собой Херсон к 80-м гг. X в., с чем здесь пришлось столкнуться войскам князя? Что мог знать о Херсоне-Корсуни князь, как должен был оценивать в своих далеко идущих планах то, что видел перед собой?

К этому времени город, возникший в эпоху Великой греческой колонизации, бывший греческим полисом и центром римского присутствия в Таврике, прошел очень длительный путь, который продолжился с IV–V вв. в условиях, по сути дела, постантичного, континуитетного общественного развития. Результаты проделанных к настоящему времени исследований нескольких поколений историков, византинистов, археологов позволяют прийти к надежному, однозначному выводу, что на протяжении всего ранневизантийского правления, включая этап так называемых «темных веков», Византия постоянно предпринимала достаточно плодотворные политические и экономические усилия для того, чтобы удержать свои позиции на территории Крымского полуострова, население которого, вопреки последствиям случившихся военных неурядиц и природных катаклиз-

мов, переживало отнюдь не самые худшие времена. Застревавшие в этом своеобразном природном «отстойнике» пришлые варварские народы – аланы, готы, протоболгары, салтовцы, смешиваясь с местным населением, потомками скифо-сарматов, тавров и греков, создали своеобразный этнический котел, варево которого на протяжении всего раннего средневековья медленно, без чьего-либо стороннего насилия вызревало в виде некой единой смеси под влиянием христианской религии и ромейской культуры. Тогда как греческая, а лучше сказать, ромейская община города культурно оставалась практически незамутненной «инородцами», вокруг шла мощная этническая переплавка, сырье для которой подбрасывали то и дело появлявшиеся новые «пришельцы из разных мест», те самые толпы язычников – варваров, которые со временем становились христианами и, пусть непоследовательно, а подчас неуклюже, все же воспринимали глубинные элементы ромейской культуры и цивилизации. Отличаясь по антропологическим признакам, они чем дальше, тем больше теряли варварскую идентичность, тем не менее, сохраняя генетически свое этническое лицо.

Особо тесные связи Империи существовали с примыкавшей к Херсону областью – хорой Дори (Крымской Готфии), охватывавшей плато Второй и Третьей гряды Крымских гор, плодородные долины рек Черной, Бельбека, Качи, Альмы и отчасти южное поморье. Создание здесь Византией пограничного дуката около середины VI в., в конце правления Юстиниана I (527–565) или при Юстине II (565–578), стало первым реальным шагом к оформлению в Таврике контактной зоны, в которой бы быстрее пошел процесс унификации, сплочения территорий. В немалой степени этому содействовала необходимость развития местных поселений, предурбанизационных образований и перестройка системы укреплений в связи с тюркской угрозой, пришедшей с Востока в 570–580-е гг. в виде тюркской бронированной конницы. Тогда же, скорее всего, последовала гражданская, административная реорганизация, заключавшаяся в создании округов, позже получивших название архонтий, а еще позже – климата с центрами в соответствующих кастра, полисмата. Нехватка сил заставляла ромеев развивать здесь оборонительную стратегию, полагаясь на глубокоэшелонированную, но не очень эффективную систему укрепленных «больших стен», крепостей-кастра, укреплений-фрур; и на «энспондов» – союзников, федератов, социев из осевших на здешних землях полиэтнических варварских племен. Практически каждое третье семейство из числа местных жителей ранневизантийского Юго-Западного Крыма обязано было дать воина на службу Империи, готового, в случае необходимости, выступить против ее врагов. Однако эта внешнеполитическая позиция должна была быть экономически выгодна тем, кто принимал подобное покровительство державы ромеев,

и закрепляться не только в договорах, соглашениях, по сути дела, даннических отношениях пакта, но и в развитии хозяйственных связей с такой провинцией (епархией), как Таврика. Следует учесть давно отлаженное, беспрепятственное, не очень сложное, находившееся под прочным ромейским контролем мореплавание между Крымским полуостровом и южным побережьем Черного моря. Императорам ромеев Юстиниану I, Юстину II, Тиверию и Маврикию удалось соединить интересы значительной части местной знати и приблизительно 60-тысячного населения Юго-Западной Таврики, «страны Дори» с интересами Империи. Но без серьезных материальных усилий эфемерное «влияние» со стороны Византии было бы быстро забыто союзниками ромеев. Поэтому впереди меча и креста шествовали деньги, дары и товары. В руках василевсов и имперских чиновников был инструмент, способный заставить херсонитов и федератов выполнять их распоряжения, выставлять военные силы и платить налоги. Зависимость Херсона от Византии имела определенные экономические корни, ее нельзя назвать односторонней, основанной только на политическом и идеологическом господстве Империи. История города свидетельствует, что здесь действовали многообразные силы взаимного притяжения.

Совместными усилиями ромейского правительства, Церкви, местных властей и городской общины в конце VI в., уже до установления мира с тюрками в 590 г., и вплоть до начала – первой четверти VII в. здесь развернулось грандиозное по меркам эпохи строительство, сопоставимое разве что со «строительным бумом», пережитым во второй половине VI в. италийской Равенной. Живоносным началом Византии было христианство – следы раннесредневековых храмов, вместилищ для св. мощей, прочие религиозные реликвии Херсона – центра малого паломничества – яркое тому подтверждение. В городе и рядом с ним возводились новые базиликальные храмы, крестовидные церкви, евктирионы, молельни (оратории), баптистерии, мартирии общим числом не менее 26, отстраивались, возобновлялись потестарные многокамерные здания около малой агоры, помещения государственной апофики в портовом районе, таможенного поста с городским архивом молидовулов, приюты – птохионы и ксенодохионы, городская и монастырская лечебницы, общественные бани с системой гипокауста, туалеты-афедроны (латрины), обновлялась разветвленная система колодцев, канализационного снабжения, сточных и дренажных сооружений. Большинство установленных урбанонимов (Мертвые ворота, Святые, они же Красивые, ворота, Влахернский монастырь Богородицы Девы Марии, храм Апостолов Петра и Павла – он же большая базилика, церкви св. Прокопия, апостола Петра, св. Луппа, св. Лонгина-сотника, св. Василея, «дом св. Леонтия», мартирий св. Василея, птохион св. Фоки, ятрина

св. Феодора) и агоронимов (малая агора, Парфенон) относилось к этому времени и в массе своей продолжали существовать к эпохе Владимира Святославича. Поскольку новостройками VI–VII вв. были захвачены территории внутри многих жилых кварталов в самых разных районах города, а не только культовые сооружения, можно предположить, что причиной их явилось не одно лишь стремление властей, светских и духовных, утверждать ромейские ценности путем массовой христианизации и достижение некой «нормативности» византийского литургического обряда, а необходимость ликвидировать последствия достаточно мощного землетрясения или серии подземных толчков, случившихся, вероятно, в конце 550-х гг., незадолго до третьей четверти VI в. и, в той или иной степени, поразивших весь город, а с ним, вероятно, и некоторые другие районы полуострова. То, что исследователи принимают за следы разрушений, оставленных гуннами или тюрками, могло быть результатом природного катаклизма, экологической катастрофы. Именно это само по себе тяжелое обстоятельство привело к массовым новостройкам и помогло Херсону к середине VII в. решительно изменить свой старый античный «имидж», приобрести облик типичного византийского средневекового центра, полиса и кастроны одновременно, каковым он оставался и в X в. Но, пережив строительный бум, херсониты на какое-то время в первые столетия средневековья не имели серьезных градостроительных забот. Все сохранялось по-старому и город пополнялся новыми сооружениями не столь интенсивно, как прежде. Тем не менее, он продолжал достраиваться, изменять формы первоначальных проектных замыслов, облагораживаться и совершенствоваться на протяжении последующих, так называемых «темных веков» и после них.

Примечательно, что херсонские храмы, демонстрируя единую линию развития, тем не менее, несли существенный момент разнообразия. Сочетание топографического подхода с архитектурно-археологическим позволяет установить, что в эту отнюдь не бесплодную пору город, охватывавший свыше 30 гектаров площади и насчитывавший примерно 6 тысяч населения, каждое столетие после второй половины VI – первой половины VII вв. и до времени Владимира прирастал, как минимум, двумя-тремя новыми храмами (крестовой, крестово-купольной, базиликальной конструкции), прочими сакральными зданиями, общее число которых к X в. достигло не менее четырех десятков, сооружал другие общественные постройки, из которых наиболее оригинальными, примечательными стали крестово-купольный храм № 29 и гидросооружение – водохранилище с камарным, сводчатым перекрытием на большой агоре, загородные храмы св. Созонта и св. Климента Римского (вместе с паломническим центром) и еще один важный урбаноним – преторий второй половины IX в. в «цитадели» го-

рода, который сменился здесь к X в. новым, более просторным архитектурным комплексом с гарнизонной базиликой и баптистерием. Все это время херсониты регулярно вели ремонт и обновление своих оборонительных сооружений, оказывали влияние на местных строителей укреплений и церквей в Юго-Западной Таврике. К моменту осады города Владимиром он был со всех сторон, даже с моря, опоясан мощными оборонительными стенами общей протяженностью более четырех километров, высотой до 10 м и толщиной до трех-четырёх метров, имел свыше четырех десятков боевых башен и вынесенную перед основной передовую крепостную стену – протехисму, прикрывавшую особенно надежно защищенные «ци-тадель» и Южные городские ворота. Отчасти этим объясняется, почему войска Владимира расположились не к юго-востоку, а к северо-западу от города, откуда и вели основные военные действия.

Наряду со сравнительно немногочисленными погребениями в притворах некоторых храмов и в «мощехранильнице» городского монастыря св. муч. Леонтия Киликийского (комплекс Западной базилики), в течение раннего средневековья продолжал достаточно интенсивно действовать за-городный некрополь города, который не могли не заметить воины Владимира. Топография его мало изменилась с первых веков н. э., чего не скажешь о плотности погребений, заметно выросшей, особенно в районе храма Богородицы Влахернской, около Карантинной бухты. Херсониты активно использовали прежние основные типы погребальных сооружений (склепы, вырубные гробницы и грунтовые могилы), но лишь в небольшом количестве устраивали такие же новые, перенеся главный упор на ингумации в одиночных грунтовых могилах или в примерно семи десятках за-городных коллективных усыпальниц-кимитириев, где число погребенных, доставляемых из столетие в столетие, порой доходило до тысячи и более человек. Город обходился приблизительно двумя десятками погребальных служащих, могильщиков, строителей гробниц (копиатов, энтафиастов, деканов), которым хватало работы, а значит и стабильного, сравнительно высокого заработка. Гробничное дело всегда приносило неплохой доход. Господство новых христианских обычаев и мировоззрения прочно связало погребальное дело с Церковью, с устройством соответствующих по-гребальных шествий, церемоний, поминальных обрядов (*ekkomixesthai*, *enthaptesthai*), в которых участвовали лектикарии, экомисты – «носиль-щики погребальных лож», каноники, аколуты – сопровождающие покойных, певчие, носильщики свечей. Одновременно это же обстоятельство – чин церковного погребения – предельно упростил инвентарь захоронений, сводившийся к деревянным гробам в виде ящиков или колод-домовин, к са-ванам, повседневной одежде с ее обыденными аксессуарами и нехитрой,

дешевой, но по этой причине популярной бижутерии, что, впрочем, соответствовало православной канонической традиции, ментальным «формулам унижения», «молчащим» надгробиям, представлениям о том, что мы называем смертью, и не может служить показателем всеобщей бедности, нищеты умерших херсонитов, как некогда полагали исследователи. Те же черты были свойственны и многоярусным, видимо, иногда семейным гробницам, все чаще устраиваемым в черте самого города с IX в. и ставших довольно обычными в X–XI вв., уже после похода Владимира.

Нет никаких оснований говорить о существенном экономическом упадке Херсона и о каком-либо пренебрежении Империи к северному направлению ее торгово-экономических связей. Напротив, оно стало особенно важным и выгодным уже к концу VII столетия, когда в связи с притоком нового населения с Севера и из Малой Азии, улучшением демографической и политической ситуации в Таврике начался подъем сельскохозяйственного производства, местного виноделия, излишки которых стали поступать на вывоз как в Романию, так и в Хазарию. При этом областью наиболее интенсивного хозяйственного взаимодействия оказались земли Юго-Западного, Горного и Южного Крыма, совпавшие с границами Херсон-Дорантской (позднее – Херсонской и Готфской), а также Сугдейской епархий. Центр последней находился под особенно пристальным вниманием заморских ромейских властей и херсонских архонтов, о чем говорят данные сфрагистики.

Мирным экономическим связям способствовала природа византийско-хазарских политических взаимоотношений, вероятно, строившихся здесь с конца VII в. на основе своеобразного взаимовыгодного кондоминиума или соправительства, совладения. Точнее, это была контактная зона без четких политических границ. Она предусматривала отсутствие постоянных воинских формирований на территории, где присутствовали одновременно представители централизованных властных структур Империи и каганата, озабоченные получением пропорционально равных доходов в виде налогов или дани. Подобный режим не был уникален, он практиковался в свое время в отношении боспорских гуннов, персов, арабов. Но более глубоко, детально представить механизм действия такого «совладения» применительно к землям Крымского полуострова затруднительно, хотя ясно, что его властными носителями здесь являлись ромейские архонты (протополиты, кыры, игемоны, топархи), церковные епископальные власти и хазарские тудуны, тарханы, действовавшие от лица своих государей. Таким образом, в «темные века» Таврика оказалась как бы в составе одновременно и Хазарии, и Византии. Долгое время это были равновеликие, одинаково сильные, к тому же сотрудничавшие силы на полуостро-

ве, который с этой точки зрения являл один из самых удачных вариантов «синтезной контактной зоны». Невозможно говорить о полном доминировании, владычестве, «протекторате» каганата не только над Херсоном, но и над другими греческими центрами Таврики – полисами, эмпориями, полисами и кастра областей-климата, Фулами, Сугдеей, Боспором, равно как и над всей Готфией. Именно поэтому каждый раз, когда исследователи говорят о захвате хазарами Крымского полуострова, их владычестве, господстве там, включении Таврики в состав каганата, мы сталкиваемся с поразительным эффектом «хазар-невидимок», который в полной мере обнаруживается после избавления от устойчивого, гипнотического мнения об их гегемонии, полновластии в здешних землях. «Хозяева Таврики» как будто были, но реальные следы их присутствия крайне незначительны, выраженные «хазарские» слои, воинские погребения отсутствуют где бы то ни было, даже элементы салтовской материальной культуры, появившиеся на полуострове не ранее второй половины – конца VIII в., не являются преобладающими, ее влияние ощущается в гораздо меньшей степени, чем ромейское, грецизированное. Это неоспоримый факт, на объяснение которого следует обратить гораздо более пристальное внимание, чем на поиски следов «хазарского господства» или хотя бы влияния, якобы продолжавшегося едва ли не до эпохи князя Святослава.

Именно режим своеобразного кондоминиума обусловил с конца VII в. отказ от военизированного дуката в пользу более гибкого режима «квази-автономного» архонтата, что вызвало своеобразную «демилитаризацию» региона и отсутствие условий для формирования слоя местной военной аристократии. Уже одно это обстоятельство лишило движущей силы возможную антиимперскую оппозицию. Бурные события осени 711 г. особенно наглядно показали, что даже когда у херсонитов оказалась возможность политического выбора, он был сделан в пользу Византии.

Ничто, буквально ничто не свидетельствует о том, что византийские центры на территории Крыма стремились отделиться от Империи ромеев и были враждебны ей, а не отдельным императорам. Уже давно, с эпохи последних веков античности положение Херсонеса / Херсона и его округа не отличалось от статуса других римских провинциальных центров. De jure и de facto он воспринимался как составная часть Ромейской империи, а длительный процесс интеграции, особенно успешно пошедший с конца IV в., обусловил отсутствие соответствующего правового акта о включении полиса в число владений Империей. Сепаратистские же настроения раннесредневекового города, равно как и его независимые «полисная организация» и «самоуправление», некие управляющие городской общиной, – даже вопреки известной новелле Льва VI, законодательно запрещавшей

это, – не более, чем еще одна мифологема, порожденная давней и устойчивой историографической традицией, к сожалению, до сих пор остающейся живучей. И это удивительно, ибо концепция «местных свобод» ничем не подкрепляется в источниках, напротив – разрушается всё новыми данными сигиллографии. Видеть в херсонских чиновниках с имперскими титулами носителей таких свобод, неких «управляющих» городской общиной, которых пытаются представить архонтами, кирами, патерами, эдикатами, протевонами, страторами, по меньшей мере странно, как и представлять архонтов Херсона неким коллегиальным органом. Высокий престиж Византии позволял ромеям смотреть на все страны и народы свысока и херсониты тоже усвоили этот имперский взгляд. Земля ромеев представлялась им «землей обетованной» и они не собирались отказываться от чести быть «частью» Империи, членами ее общества, считали себя обязанными «подчиняться неразрывной общине» византийцев и жить с ними в мире. Как бы ни именовались представители городских властей, в своей основе это были функционеры на государственной службе, государственные служащие, чей бюрократический статус подчеркивался наличием соответствующей печати ромейского чиновника. Местное происхождение отдельных из них и связь с городской общиной ничего не меняют в этом выводе.

Херсон оставался на протяжении всего раннего средневековья достаточно устойчивым социально-экономическим организмом и приток новых этнических групп, представителей варварских народов не был в состоянии изменить его греческое, ромейское культурное своеобразие. Если этническая структура населения и усложнилась к эпохе Владимира, это не привело к варваризации города. По сути дела, население византийской зоны кондоминиума сохраняло стабильное имперское этнополитическое сознание, а херсониты – полноправные члены царства «ромейского таксиса» – жили по тем же правилам и законам, по которым жили прочие подданные василевсов. Историческая очевидность состоит в том, что никому из них не приходила в голову мысль о приоритетности и выгоде отстаивания местных, херсонских интересов. Как политическая сила, они не были автономны и самостоятельны. Примечательно, что даже в уникальной, благоприятной для этого ситуации 710–711 гг. херсониты не рискнули открыто выступить против василевса Юстиниана II Ринотмета, а лишь примкнули в конечном итоге к мятежникам из столицы. Едва ли они решились бы на самостоятельное участие в апостасиях 70–80-х гг. X в. в Византии. Поставки продовольствия в Крым не зависели от малоазийских мятежников, которым, как поначалу и василевсу Василию II, не было дела до окраинного заморского города, лишь благодаря выбору Владимира ставшему участником большой политической игры. Примечательно, что

в ходе вероисповедальных коллизий херсониты были всегда на стороне правящих императоров, следовали всем изменениям конфессиональной ориентации и, когда требовалось, признавали монофелитство, иконоборство, прочие «кружения политического ветра», а «в промежутках» возвращались к православию, иконопочитанию. Духовные вожди херсонитов – епископы, а с IX в. архиепископы, как и многие другие церковные иерархи, в большинстве своем не отстаивали последовательно ортодоксию, но законопослушно следовали в кильватере очередных правительственных новаций. Последующие попытки агиографов переписать местную церковную историю на нужный идеолого-политический лад не в силах скрыть этот факт, как и то обстоятельство, что во второй половине VIII в. и в первой трети IX в. иконопочитатели в Таврике были, но их численность и степень влияния не стоит преувеличивать.

Постоянные связи с заморскими землями Империи и Константинополем, отсутствие собственного, обособленного этнического самосознания и экономической автаркичности Херсона, равно как и отсутствие в нем политических сил, способных взять на себя роль лидера и взвалить на плечи нелегкое бремя «свободы», обусловили наличие весьма слабых тенденций регионального сепаратизма в этом анклав. Судьба последнего ни в коей мере не напоминала монофиситские восточные провинции или экзархаты Византийской империи, оказавшиеся, в конечном счете, в руках арабов или германцев. Главная причина этого отличия коренилась, очевидно, в том, что центробежные тенденции в Таврике были долгое время в значительной мере смазаны режимом своеобразного кондоминиума контактной зоны, причем реальные отношения, порожденные им, строились на основе нейтралитета, наподобие договора ромеев с мусульманами на Кипре в конце VII–IX вв. и других аналогичных случаев.

Нет уверенности в том, что хазарские гарнизоны появились в Доросе и некоторых других крепостях Готфии сразу после ликвидации мятежа епископа Иоанна Исповедника, случившегося, судя по всему, летом 787 г., как раз накануне открытия Вселенского синода в Никее. Назревшая к этому времени попытка центральных хазарских властей отказаться от кондоминатного статуса владения на крымской земле и сломать его в свою пользу оказалась преждевременной, а порожденный ею антихазарский (но не антиправительственный, антиромейский) сговор властей Готфии и ее нелегитимно избранного церковного лидера, хотя и закончился видимой неудачей, заставил хагана отказаться от встревоживших местное население намерений подчинить здешние земли. Еще несколько десятилетий ситуация в Крыму сохранялась в состоянии неустойчивого равновесия, плодами которого продолжали пользоваться Херсон и соседствовавшие с ним

климата, но постепенно рост напряжения и растущая угроза с севера поколебали его. Враждебное варварское окружение, в котором оказался город к концу первой трети IX в., заставило ромейские власти начать искать выход из создавшегося положения и, в конечном итоге, порвать со старыми отношениями, окончательно зашедшими в тупик.

Нарушение системы своеобразного «двоевластия» в Таврике и все возрастающая угроза с Севера подвигли Константинополь на проведение административно-территориальных мероприятий, затронувших в 830-е гг. как северный, так и южный берег Черного моря и вылившихся в поэтапное преобразование новых фем, военно-административных единиц, имевших налаженные морские связи друг с другом. Возведение архонтата Херсона в ранг стратегии, получившей название Климата, произошло, судя по всему, именно в этот период, около 835 г., во всяком случае, не позже весны-лета 841 г. Причем решение василевса Феофила опять-таки нельзя рассматривать как некий юридический акт об аннексии Византией земель Таврики. Херсонские власти и до этого находились в зависимости от Константинополя и император без колебаний отдал им прямой приказ подчиняться новому, «избранному» начальству. Произошло лишь видоизменение прав владения, которое ознаменовало конец прежней политики в отношении хазар в Крыму. Оказанная перед этим помощь в планировке на местности и начале строительства «Белого приюта» – Саркела на Дону, «царской» крепости, вероятно, одной из летних ставок хагана и одновременно полифункционального, административного, торгово-таможенного центра, опорного пункта, стало последним добрым, союзным мероприятием Империи и херсонитов по отношению к Хазарии, которое не смогло надолго разрядить нараставшее политическое напряжение. Военный контроль каганата над сельской Таврикой, присутствие хазарских, венгерских конных отрядов и иных «различных варваров» даже в ближайших окрестностях Херсона, которые отчасти опустели, установление тревожного состояния своеобразной «холодной войны» вызывали очередное изменение в содержании местных экономических связей, сократив в них значение вывоза зерна и других продуктов сельского хозяйства через византийские порты Крыма. Уже к середине IX в. эти имперские владения, лежавшие, как писал Анастасия библиотекарь, на пограничье Византии (*ille sit romani locus imperii*), оказались окружены и временами, по сути дела, блокированы, по выражению современников, самыми разными «племенами», «разбойниками – язычниками», «толпами варваров, наезжавшими сюда», которые то вступали в ненадежные союзные отношения, то сражались друг с другом. Вот почему именно с этого времени государственная политика в отношении Херсона и, надо полагать, других византийских кастра климата,

входивших в здешнюю фему, наряду с полицейско-административными мерами, смогла предусмотреть торговые санкции, меры экономического воздействия на местных подданных Романии в случае их неподчинения распоряжениям василевса.

Таким образом, роль внешнеполитических факторов менялась в жизни Таврики от столетия к столетию и вместе с ними менялось экономическое и социально-политическое положение херсонитов. Если в последней трети VI в. столкновения с могущественными тюрками способствовали социальной консолидации здешнего общества, четко делившегося на знать, клир и простой народ, то с установлением режима кондоминиума контактной зоны устои византийской правительственной власти в архонтате стали чем далее, тем более расшатываться. Но только окончательный крах «совладения» режима контактной зоны заставил Империю отказаться от пассивной политики и попытаться «не упустить из своих рук» здешние земли с их ромейской аристократией, что удалось, хотя отнюдь не сразу и нелегко.

То же самое можно сказать о тенденции к милитраизации общественной жизни. Заметная во второй половине VI – начале VII вв. (на примере дук и дуката), она была заторможена введением статуса полуавтономного архонтата на территории контактной зоны без четких политических границ, но после изменения ситуации милитаризация со второй трети IX в. вновь взяла верх, что вылилось в появление стратига, генерал-губернатора, который унаследовал часть прежнего муниципального административного аппарата, сохранявшего преемственность с позднеантичными полисными институтами. Впрочем, это не помешало ему завершить тенденцию сосредоточения всех видов власти (военной, гражданской и судебной) в одних руках, покончив с последними призраками самостоятельности местных правителей в лице херсонского архонта и коллегии протевонов, «отцов города», среди которых был известный в VIII–IX вв. кир. Такое соединение властей явилось одним из закономерных проявлений феодализации в сфере публичной власти. Следовательно, в целом, развитие Херсона, остававшегося наблюдателем и бастионом Империи на Севере, шло в сторону классического для Средневековья правила, и его положение в «темные века», предшествовавшие временам Владимира, нельзя считать неповторимым, уникальным, в корне отличным от положения других провинциальных ромейских городов. В нем куда больше сходства, чем своеобразия.

Вместе с тем общая тенденция социально-экономического развития региона не вела к появлению крупной земельной собственности, а значит, и к натурализации хозяйства. Ремесленное производство Херсона было

многоотраслевым и достаточно продуктивным, а торговля и денежное обращение никогда не теряли своего значения. Средняя, наиболее многочисленная прослойка горожан в этих условиях оставалась достаточно представительной и не испытывала разлагающего воздействия новых, феодальных начал. В обществе херсонитов ко времени Владимира можно выделить следующие социальные страты: «первенствующие» – потомственная знать, состоявшая из немногочисленных земельных собственников, крупных владельцев недвижимости, богачей, верхушки предпринимателей, византийских официалов (примерно 1 % от населения города, около 50–70 человек); высшее духовенство (епископ, пресвитеры – около 10 человек); профессиональные военные (80–100 человек, не более 2 % населения); основная масса торгово-ремесленного, предпринимательского населения, хозяева средней руки (около 17–20 % населения, примерно 1000 человек); среднее и низшее духовенство (священники, диаконы, диакониссы, иподиаконы, клирики, чтецы, певчие – примерно 10 % населения, около 500–600 человек); низы городского населения, челядь, рабы, пауперы (около 10 % населения).

Немногочисленные, прибывшие в этой ромеизированной среде пришельцы проходили здесь социально-экономическую натурализацию, включались в местную городскую среду и неизбежно утрачивали оригинальное культурное этническое лицо, даже если его «варварские» отпечатки невозможно было скрыть на генетическом уровне. Степень их воздействия на ход социальных процессов в Херсоне и его округе всегда оставалась крайне слабой. Иудейская и тюркская, хазарская специфика и даже этнические предубеждения могли сохраняться в отдельных сферах быта, в религии, но главным по-прежнему было мощное греческое доминирование, проявлявшееся и в языке, и в письменности, и в церковных обрядах, и в менталитете, и в других областях культуры.

К примеру, письменные и археологические источники показывают, что впечатляющая, по-византийски пышная литургическая жизнь Херсона включала в себя все ее основные и менее значимые службы, какие можно было бы встретить в ромейском церковном центре малого паломничества: ежедневную и праздничную божественную литургию, причастие, крещение, миропомазание, утреню, вечерню, всенощное бдение и часы, литанию, литургический год с его календарем празднеств, постов и памяти святых, культ св. мощей, «вторичных реликвий», мучеников в городских и пригородных церквях, мартириях, освящение храмов, литургию под открытым небом, загородные и городские процессии, перенесение реликвий, освящение вод, плодов, богослужебные последования (аколуфии) в виде стациональных шествий, монашеский постриг, погребальную службу. Город не только имел облик важного церковного центра, но и был им, что,

на наш взгляд, сыграло ведущую роль в стратегических расчётах, планах Владимира.

Он и не пытался присвоить этот ромейский город, хорошо понимая его глубокие византийские корни и ориентиры. Обострение отношений, бунты, выступления против отдельных стратигов случались в Херсоне крайне редко, не чаще, чем в других ромейских фемных центрах, и даже в этом случае не сопровождались ничем похожим на разрыв дипломатических отношений, поскольку принимаемые в этом случае меры обуздания со стороны Империи в худшем случае носили характер торгово-экономической блокады, лишения положенных городу из казны денежных сумм и, самое главное, предусматривались в отношении собственных подданных василевса ромеев. Власть стратига распространялась на соседние кастра, и в случае необходимости он мог выбрать другое место резиденции за пределами Херсона, откуда был в состоянии продолжать вести дела фемы, а не некой «страны-сателлита», как полагал Жильбер Дагрон.

С приходом в последнем десятилетии IX столетия новых кочевников, внесших свой вклад в изменение расстановки политических сил, а также в связи с улучшением общей ситуации, перемещением венгров дальше от территории Крымского полуострова, включением печенегов в орбиту экономической деятельности херсонитов, последующей нормализацией накалившихся отношений с Хазарским каганатом, наступившей после похода военачальника, бул-ш-ци Песаха, скорее всего, в 941 г., роль посреднической торговли в жизни фемы Херсона, его турмы или турмархата Готфии, Сугдеи, Боспора и прочих здешних византийских владений еще более выросла, тогда как одновременно крепло их значение стратегического и экономического буфера, избавлявшего Византию от прямых контактов с опасными северными соседями, но позволявшего извлекать максимум выгод от таких опосредованных контактов, включая сбор важной политической, разведывательной информации через деловые и миссионерские связи. Сельское хозяйство перестало быть основой экономики общества херсонитов, ведущую роль в нем заняли предпринимательство, торговля, которая велась путем неэквивалентного обмена и в которой, так или иначе, оказалось задействовано, вероятно, не менее половины трудоспособного, экономически активного населения города. Ко временам Владимира позиции Романии в Херсоне и тесно связанной с ним Готфии были вновь столь же крепкими, как и четыре столетия назад, когда Империя, исчерпав античный этап своего развития, вступала в эпоху раннего средневековья.

Очевидно, хронологический рубеж, который можно считать завершающим для истории раннесредневекового Херсона и началом новой эпохи, стоит искать не столько в достаточно устойчивой, консервативной хозяй-

ственной и социально-экономической сфере, слабо подверженной изменениям, сколько в геополитических сдвигах в Евразии и на полуострове, происходивших в 20–40-е гг. X в. Именно в это время, совпавшее с правлением василевсов Романа I Лакапина и Константина Багрянородного, Херсон пережил пору бурного, масштабного оборонительного строительства, активизировавшегося уже со времени Василия I, а Византия сумела занять лидирующую позицию на территории Крымского полуострова, надолго упрочила здесь свои позиции, добилась урегулирования отношений с хазарами и все более стремительно набиравшими силу росами-русами. К этому же времени в целом завершилось формирование этноконфессиональной общности, интегрировавшей разные племена и народы в относительно единую средневековую народность Таврики, отличительными чертами которой явились глубокое восприятие христианства и греческой культуры (вплоть до языковой и письменной среды). Очевидно, это нашло отражение в рождении топонима «Херсакея» – «страна херсаков» и более позднего этнонима – «готоаланы». Бытующее же среди некоторых исследователей представление о некой «Крымской Хазарии», о «Крыме Хазарском» или о крымском «реликте Хазарского каганата», это не более чем мнение для исторических спекуляций. Хазария, сокрушенная в 965 г. Святославом, воинственным отцом Владимира, всегда оставалась за пределами Крыма.

К сказанному остаётся добавить, что экономика Херсона никогда не была самодостаточной и одной торговли с местным населением и пришлыми кочевниками для ее обеспечения было мало. Тем не менее, именно посреднический, транзитный характер такой развитой торговли во многом объясняет стержень поразительно устойчивой связи с Романией и жизнеспособности города, особенно ко времени Владимира, к концу раннего средневековья. Византийская политика в отношении Херсона и Таврики постоянно реагировала на изменения внешней и хозяйственной ситуации в этом регионе, который Империя разными путями и в целом достаточно успешно всегда стремилась сохранить за собой. Трудные времена приходили и уходили, и 80-е гг. X в. применительно к Таврике в этом плане ничем не отличались от других, предшествовавших им. Их краски были не только черными. Город же, вопреки всем лихолетьям, находил в себе достаточно сил, чтобы развиваться, строиться и с надеждой смотреть в будущее. Таким крепким ромейским многофункциональным центром и стал его князь Владимир, который должен был действовать быстро, точно, и не в роли просителя. Он первым начал войну с ромеями, взяв Херсон с целью креститься именно в нем и тем доказать, что новая вера приносит невиданные победы. Выгода от такого выбора вскоре стала очевидна всем.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Алексеевко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 455–500.
- Алексеевко Н. А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 701–743.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990.
- Белов Г. Д. Херсонес – Корсунь. – Л., 1969.
- Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. – 1994. – № 1. – С. 7–46.
- Беляев С. А. Что писалось в юбилейной литературе о месте крещения князя Владимира // Byzantinorussica. – 1994. – № 1. – С. 198–213.
- Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 8–172.
- Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І, Мельник М., Сорочан С., Файда О. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.
- Домановський А. М. Візантійське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Іерон? (до інтерпретації даних ал-Масуді) // Боспор Киммерийський і варварський мир в період античності і середньовіччя. Періоди дестабілізацій, катастроф. – Керчь, 2005. – С. 82–86. (Боспорские чтения ; вып. 6).
- Домановский А. Н. К вопросу о существовании аналогов константинопольского епарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos : сб. материалов конф. «VII Боспорские чтения». – Керчь, 2006. – С. 92–97.
- Домановський А. М. Лазні VI–IX ст. і «преторій IX ст.» на території цитаделі Херсонеса Таврійського: окремі зауваги щодо хронології ранньосередньовічної забудови пам'ятки // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2013. – Вып. 10 : X чтения памяти проф. П. О. Карышковского : материалы междунар. науч. конф., Одесса, 11–12 марта 2013 г. – С. 225–230.
- Домановский А. Н. О зонах кондоминатного управления на границах Византии IV–IX вв.: аспект государственного регулирования внешней торговли // Вісник ХНУ. – 2005. – № 701: Історія. – Вип. 37. – С. 127–138.
- Золотарев М., Хапаев В. Херсонесские святыни. – Севастополь, 2002.
- Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. – К., 1988.
- Зубар В. М., Сорочан С. Б. Херсонес Таврійський // Енциклопедія історії України. – Київ, 2014. – Т. 10. – С. 372–376.
- Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – К., 2002.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956.
- Могаричев Ю. М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-м-к-рая?) // Хазарский альманах. – 2007. – Т. 6. – С. 181–191.

- Могарычев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. – 2012. – Т. 10. – С. 122–143.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2-х ч. – Ч. 2: Византийский город. – Екатеринбург, 2007.
- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.
- Роменський О. О. Русь у зовнішній політиці Візантії в останній чверті X ст.: Автореф. дис. ... канд. історичних наук: 07.00.02 – всесвітня історія. – Харків, 2015.
- Сазанов А. Херсон и крещение Владимира. Херсон в X–XI вв. – Saarbrücken, 2013.
- Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983.
- Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – Киев, 2007. – Вип. 7. – С. 44–70.
- Сорочан С. Б. «Carcera habitateris»? : Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. – Симферополь; Керчь, 2003. – Вып. 3. – С. 73–130.
- Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – Киев; Харьков; Москва, 2004. – Т. 2. – С. 77–98.
- Сорочан С. Б. Бани византийского Херсона (VI–X вв.) // Древности, 1995. – Харьков, 2005. – С. 196–211.
- Сорочан С. Б. Больница в ранневизантийском Херсоне // Древности, 2004. – Харьков, 2004. – С. 59–65.
- Сорочан С. Б. В поисках грани. Terminus ante quem раннесредневекового Херсона // Вісник ХНУ. – 2002. – № 566: Історія. – Вип. 34. – С. 45–55.
- Сорочан С. Б. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы. – Армавир, 2008. – С. 167–173.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Часть 1–3. – Харьков; М., 2013 (Мугоблион. Византия и ее окружение. Серия: Исследования. Т. 2).
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2012. – Т. 10. – С. 179–202.
- Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543.
- Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. – 2003. – Т. 62 (87). – С. 21–46.
- Сорочан С. Б. Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.) // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. 9. – С. 159–211.
- Сорочан С. Б. Еще раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII вв. // ВВ. – 2014. – Т. 73 (98). – С. 278–295.

- Сорочан С. Б. К вопросу о византийском термине «пакта» применительно к истории фемного Херсона // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2009. – Т. 8. – С. 315–328.
- Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // Античная древность и средние века : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург. – 2003. – Вып. 34. – С. 146–173.
- Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. – 2009. – Т. 68 (93). – С. 170–193.
- Сорочан С. Б. Об исследованиях византийского претория IX в. в «цитадели» Херсона // Вісник ХНУ. – 2008. – № 816: Історія. – Вип. 40. – С. 64–71.
- Сорочан С. Б. Общественные афедроны византийского Херсона // Вісник ХНУ. – 2005. – № 701: Історія. – Вип. 37. – С. 166–172.
- Сорочан С. Б. Размышления над критикой: (К статье А. И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2014. – Т. 12. – С. 175–197.
- Сорочан С. Б. Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // Херсонский сборник. – Севастополь, 2003. – Вып. 12: Памяти Инны Анатольевны Антоновой. – С. 301–327.
- Сорочан С. Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва; Магнитогорск, 2004. – Вып. 14. – С. 337–398.
- Сорочан С. Б. Эволюция оборонительной системы византийского Херсона в пост-юстиниановскую эпоху // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 18–20 апр. 2012 г. – Москва, 2012. – С. 234–240.
- Сорочан С. Б. Эволюция фортификации византийского Херсонеса – Херсона в VI–X вв. // POLEMOLOGOS. сборник статей памяти проф. В. В. Кучмы. – Волгоград, 2012. – С. 31–57.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Севастополь, 2006.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Путешествие через века без эскурсовода. – К., 2002.
- Сорочан С. Б., Роменский А. А. Корсунский поход и Херсон XI в.: к завершению научного проекта // ВВ. – 2013. – Т. 72. – С. 322–332.
- Спадщина візантійського Херсона / Т. Яшаєва, О. Денисова, Н. Гінькут, В. Залеська, Д. Журавлев; Нац. заповідник «Херсонес Таврійський». – Севастополь; Остін, 2011.
- Хапаев В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI в.). – Севастополь, 2014.
- Хапаев В. В. Поход Владимира на Корсунь // Родина. – 2009. – № 10. – С. 102–104; № 11. – С. 44–45.
- Хапаев В. Проблема локализации места крещения князя Владимира в Херсонесе // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 167. – С. 59–64.

- Хапаев В. В.* Статья А. Л. Бертъе-Делагарда «Как Владимир осаждал Корсунь»: текст и комментарий // Причерноморье. История, политика, культура. – Севастополь, 2011. – Вып. 5. – С. 214–259.
- Хачатуров Р. Л.* Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988.
- Храпунов М. І.* Адміністрація візантійського Херсона (кінець IV – XI ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 – всесвітня історія. – К., 2009.
- Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Х. – М., 1908. (Памятники христианского Херсонеса. Вып. 3).
- Шестаков С. П.* По поводу новейших трудов по истории и топографии Херсонеса Таврического // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – 1908. – Т. 24. – Вып. 4. – С. 303–339.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 63.
- Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964.
- Якобсон А. Л.* Крым в средние века. – М., 1973.